

Гон наступил на день раньше, чем ожидал Чэн Цзыянь, но он все же не позволил своему физическому состоянию помешать работе. Наклеив на заднюю часть шеи пластырь, подавляющий феромоны, и обильно распылив на себя блокатор, он доработал до конца дня и ушел с работы в обычное время. Окружающие не чувствовали изменений в его феромонах, но заметили перемену в его ауре и интуитивно держались подальше от обычно добродушного и легкого в общении начальника.

Чэн Цзыянь заранее предупредил свою мать, Чжао Юйшу, что не вернется домой, поэтому она даже не приготовила для него ужин, а рано отправилась с соседкой, тетей Ян, за ингредиентами для сладостей, которые они готовили для Вэнь Си.

Он не хотел создавать неудобства для Кэ Чи, поэтому заказал ужин в соседнем отеле и попросил доставить его, а сам быстро поел в столовой компании, собрал вещи и поехал в квартиру.

Чэн Цзыянь снова распылил на себя блокатор, прежде чем открыть дверь ключом. В гостиной горел свет, но Кэ Чи не было видно. В воздухе витал легкий аромат роз, который, хотя и не был намеренно выделен Кэ Чи, мгновенно пробил барьер блокатора и легко пробудил в Альфе, старающемся подавить свои инстинкты в период гона, бурное волнение, дремавшее в крови.

Кэ Чи, похоже, услышал шум и вышел из ванной в гостевой спальне. Увидев покрасневшие глаза Чэн Цзыяня, он на мгновение замер, незаметно опустил рукав, чтобы скрыть следы от укулов и синяки на руке, и улыбнулся:

— Вы вернулись.

Чэн Цзыянь ничего не сказал. Его взгляд невольно скользнул по прекрасным глазам Кэ Чи, изящному носу и остановился на его губах, которые стали ярче из-за того, что тот невольно облизнул их. Его кадык непроизвольно сдвинулся.

Взгляд Альфы, полный явного желания, был немного свирепым, но он ясно показывал, в каком состоянии он находился. Кэ Чи мгновенно понял это, вспомнив, что две недели назад Чэн Цзыянь говорил ему о приближающемся гоне.

— Я пойду в свою комнату, ты ложись спать пораньше, — Чэн Цзыянь отвел взгляд, с трудом оторвав его от прекрасного лица Омеги, и направился в свою спальню.

Но, открывая дверь, он почувствовал, как Кэ Чи быстро подошел и схватил его за запястье.

Прохладные кончики пальцев на запястье принесли приятную прохладу, эффективно успокоив раздражение и нетерпение, поднимавшееся в душе Альфы. Но тонкий аромат Омеги, витавший в воздухе, был словно чашка яда, подливаемая в пылающий огонь, заставляя пламя разгораться еще сильнее.

Кэ Чи стиснул зубы. Его пальцы, хотя и дрожали от пугающих феромонов Альфы, с трудом, но скользнули по его рубашке вверх и осторожно расстегнули пуговицы.

— Это моя обязанность, — сказал он. — Иначе вам будет жаль потраченных денег.

Он посмотрел в глаза Чэн Цзыяню, отпустил его запястье и, обняв за плечи, снял пластырь, подавляющий феромоны, с задней части шеи Альфы.

Мощный и холодный аромат эбенового дерева вырвался наружу, без зазоров окутав розу, а

затем поглотив ее.

Феромоны Альфы в период гона были агрессивными и нетерпеливыми, заполняя каждый уголок комнаты, создавая невидимый барьер, отсекая все, что могло угрожать его территории, и крепко удерживая Омегу в плену своего запаха.

— А Чи... — Поцелуй Альфы сдержанно скользил по ключице; он сдерживался, чтобы не коснуться сладкой железы на задней части шеи Омеги, которую жаждал каждый Альфа. Он лишь слегка потерся клыками о плечо Кэ Чи, и из его носа вырвалось горячее, тяжелое дыхание.

Это знакомое обращение, звучавшее как нежное шептание влюбленных, содержало в себе и извинение Альфы, борющегося с собой. Оно обожгло Кэ Чи, заставив глаза увлажниться.

Он мгновенно вспомнил то, что хранил в глубине сердца, под пылью, события десятилетней давности: юный Альфа, нежный, как бриз, осторожно стер пыль с его щеки, снял листок с его волос и, улыбаясь, называл его «А Чи».

Он серьезно говорил:

— Весна, должно быть, жалеет, что не пришла раньше, чтобы прогнать зиму для тебя.

Он был его весной, которой можно было любоваться, но нельзя было обладать.

Аромат эбенового дерева, витавший в воздухе, был гораздо интенсивнее обычного, и в нем чувствовалась агрессия, заложенная в инстинктах Альфы, от которой Кэ Чи невольно съежился.

Альфа, находящийся на вершине пищевой цепи, на самом деле не был таким уж превосходным существом. По крайней мере, в период гона у него не было контроля над своими эмоциями и физиологическими реакциями. Уловив малейший запах Омеги, он терял контроль еще сильнее, безжалостно удерживая того рядом, чтобы удовлетворить свои изменные желания.

Чэн Цзыянь не любил эту часть себя, врожденную, записанную в феромонах и железах Альфы, но он не мог противостоять этим биологическим инстинктам. В его неконтролируемо сильных феромонах появилось больше тревоги и беспокойства. Он мог лишь стараться быть максимально осторожным, сдерживая бурлящие в крови импульсы, пытаясь привнести в эту навязанную Альфой близость хоть немного мягкости, чтобы не травмировать человека в своих объятиях.

Но Омега под ним все равно плакал. Даже если он не издавал ни звука, даже если изо всех сил сдерживал дрожь, Чэн Цзыянь ясно чувствовал его слезы, чувствуя их горечь на губах.

Казалось, он всегда доводил Кэ Чи до слез — с этой мыслью, возникшей в сознании, когда гон немного утих, Чэн Цзыянь почувствовал опустошение.

Молодой и успешный Альфа, полный амбиций, впервые ощутил бессилие, погрузившись в сложное и мучительное состояние.

Кэ Чи, однако, тонко уловил эмоции Чэн Цзыяня в феромонах, окутавших его со всех сторон. Преодолевая усталость и головокружение, он колебался, но все же обнял Чэн Цзыяня за плечи.

Альфа в период гона, сбросивший маску вежливости и показав свою самую худшую сторону, не заслуживал сочувствия. Но этот обычно ясный и мягкий, как звезды и луна, Альфа, проявивший легкую тревогу и беспокойство, показался Кэ Чи немного уязвимым. Это вызвало у Кэ Чи странное, нереальное чувство — темное счастье от мысли, что он не слишком обременяет Чэн Цзыяня и может с усилием оставаться рядом с ним, имея хоть какую-то ценность.

Но он ничего не мог сказать и не мог спрашивать. Это была четкая граница, которую он сам провел между ними в их чисто денежных отношениях. Он мог лишь осторожно сильнее обнять его, слегка прижавшись грудью к груди, чувствуя тепло Альфы и почти синхронное биение их сердец.

Он, безусловно, преследовал невысказанную цель, позволяя себе утонуть в этой страсти, смягченной сдержанностью Альфы, но его физическое состояние было настолько слабым, что ему было трудно это вынести.

Когда он наконец успокоил эмоции Альфы, Кэ Чи уже крепко заснул. Следы от пальцев на пояснице, а также отметины на плечах и ключице, оставленные Альфой в порыве неудержимой страсти, выглядели слишком явными на его бледной коже.

Смутно он услышал, как Чэн Цзыянь очень тихо извинился ему в ухо, а затем почувствовал нежный и полный раскаяния поцелуй на мочке уха. Он хотел сказать, что сделал это добровольно, что вина на самом деле на нем, и хотел сказать, что это был взаимовыгодный обмен, так что не нужно испытывать лишних эмоций.

Но у него не было сил даже пошевелить губами, и он лишь слегка приоткрыл глаза, когда Чэн Цзыянь держал его на руках, очищая тело, а затем снова послушно уснул, уткнувшись в грудь Чэн Цзыяня.

Когда сознание погрузилось в хаос, он почувствовал, что, похоже, что-то забыл.

Чэн Цзыянь осторожно держал на руках Кэ Чи, который почти полностью доверил ему свой вес, и, усадив его в наполненную водой ванну, заметил синяк на его руке и следы от уколов, которые были еще заметнее на нежной белой коже.

<http://bllate.org/book/16759/1563015>